

УДК 008**Концептуализация понятий «культуры вины» и «культуры стыда» в драматургии А.Н. Островского****Анастасьева Ирина Леонидовна**

Кандидат культурологии, доцент,
доцент кафедры сравнительного изучения
национальных литератур и культур,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119234, Российская Федерация, Москва, тер. Ленинские Горы, 1;
e-mail: anastasyevairina@gmail.com

Аннотация

Рассуждения о том, что такое национальный характер, каковы основные черты той или иной этнической группы, очень актуальны в современную эпоху. Во многих дискурсах и нарративах используются такие понятия, как ментальные особенности, объединяющая идея, культурный концепт, коллективное бессознательное, которые требуют расшифровки и объяснений, базирующихся на исследовании различных культур и субкультур. В какой степени релевантны предлагаемые дефиниции? Начиная с 1940-х годов, в кросскультурных исследованиях пристальное внимание уделяется таким психологическим феноменам, как культура вины и культура стыда — понятиям, детерминированным американским антропологом, представителем этнопсихологического направления в американской антропологии Рут Бенедикт. Существующие исследовательские работы ориентированы в первую очередь на сопоставление западноевропейских и восточных (японских, китайских) архетипических черт, свойственных данным этносам и отражающих принадлежность народа к культуре вины или стыда. Представляется интересным и важным прояснить, к какой ментально гипертрофированной культуре принадлежит российское общество. Изучение этого вопроса наиболее естественно осуществить на литературно-художественном материале, в частности, на примере драмы «Гроза» А.Н. Островского, чей 200-летний юбилей отмечался 12 апреля 2023 года.

Для цитирования в научных исследованиях

Анастасьева И.Л. Концептуализация понятий «культуры вины» и «культуры стыда» в драматургии А.Н. Островского // Культура и цивилизация. 2024. Том 14. № 9А. С. 86-93.

Ключевые слова

Культура вины, культура стыда, культура совести, А.Н.Островский, Гроза.

Введение

Рассуждения о том, что такое национальный характер, каковы основные черты той или иной этнической группы, очень популярны в современную эпоху. Во многих дискурсах и нарративах звучат такие понятия, как ментальные особенности, объединяющая идея, культурный концепт, коллективное бессознательное, основные категории культуры, которые требуют расшифровки и объяснений, базирующихся на исследовании и сопоставлении различных культур и субкультур.

Начиная с 1940-х годов, в кросскультурных исследованиях пристальное внимание уделяется таким феноменам, как культура вины и культура стыда — понятиям, детерминированным американским антропологом, представительницей этнопсихологического направления в антропологии Рут Бенедикт. Именно эти категории могут быть названы, с ее точки зрения, безусловными константами американской и японской культур. Преподаватели Стенфордского университета, психологи Вонг Йинг и Цай Дженни писали об этих максимах следующее: «Shame and guilt are feelings associated with being negatively evaluated (either by the self or others) because one has failed to meet standards and norms regarding what is good, right, appropriate and desirable» (Стыд и вина — это чувства, которые ассоциируются с негативной оценкой (даваемой самостоятельно или другими) в связи с тем, что человек нарушил стандарты или нормы представлений о том, что такое добро, справедливость, что уместно и желательно (перевод мой)) [Wong, Tsai, 2007: 210]. Очевидно, что при всем сходстве данных понятий, они не тождественны, о чем мы еще поговорим.

Основная часть

Можно ли считать предлагаемые дефиниции базовыми характеристиками русской культуры, не являются ли они конъюнктурой, спорным утверждением, химерой? Существующие исследовательские работы не дают ответа, ибо они ориентированы в первую очередь на сопоставление западноевропейских и восточных (японских, китайских) архетипических черт, выявляющих принадлежность этноса либо к культуре вины, либо — стыда, в то время как российские философы уделяют мало внимания анализу этих понятий, относя их к сфере этики. «При этом игнорируется то, — пишет Ю.Н. Данилова, — что в истории философии Запада, России и Востока вина и стыд рассматривались как ценностные явления, включенные в существование человека, в истории культуры как выражение ментальности того или иного народа, ценностные эталоны, с помощью которых оценивался уровень развития культуры, и механизмы регулирования поведения» [Данилова, 2016, с. 3].

По утверждению Юрия Степанова, автора знаменитого словаря «Константы», объединяющие идеи русской культуры были сформулированы задолго до попытки их научного структурирования и систематизации, «но, конечно, среди них можно выбирать, что высвечивать» [Степанов, 2001, с. 4]. Иначе говоря, парадигма духовных констант выстраивается не линейно, она прерывиста, и эта дискретность объясняется изменчивостью, полифонией жизни, приводящих, с одной стороны, к чередованию аксиологических доминант (при сохранении особых инвариантных типов культуры) в той или иной общественно-политической ситуации или при смене религиозных ориентиров, например, при переходе от политеистического к монотеистическому типу вероисповедания. С другой стороны, общекультурные страты выстраиваются из субкультурных; внутри одного общества могут

сосуществовать разные рецепции одного и того же явления. Что для одних представителей социума будет детерминантом «свой», то для других — «чужой». Либо оценки, даваемые концептам как постоянным, устойчивым — или переменным признакам, понятиям, могут показаться субъективными, не являющимися автентическими. Рут Бенедикт, изучавшая ценностные идеи японской культуры, но не имевшая возможности заниматься исследованиями в полевых условиях (в Японии), опрашивала американцев японского происхождения, и их ответы поделились примерно пропорционально на приятие японских традиций — и полное отторжение, вплоть до ненависти. Эти показатели, однако, не могут считаться репрезентативными.

Вследствие всего сказанного важно прояснить, к какой ментально гипертрофированной культуре принадлежит российское общество. Изучение этого вопроса следует осуществить на литературно-художественном материале, в частности, на примере драмы «Гроза» А.Н. Островского, чей 200-летний юбилей отмечался 12 апреля 2023 года. Литературоведческий подход к рассмотрению разных аспектов культур-философских проблем оправдан, с точки зрения многих исследователей, по причине морально-этического характера поднимаемых в литературе вопросов. Именно художественные произведения (особенно драматургия XIX века, выросшая из дидактических пьес классицизма, но не разорвавшая с ним отношений) занимались поиском базовых нравственно-духовных концептов культуры. Исследования Бенедикт основывались не только на чтении японской литературы, но и на просмотре фильмов, спектаклей, знакомстве с теми нарративами, которые предоставляли исчерпывающую информацию.

Уже в конце XIX — начале XX веков было создано значительное количество философских трудов, в которых выявлялись этические особенности русского национального характера. Среди них работы Ф.М. Достоевского, И.А. Ильина, Вл.С. Соловьева, Н.А. Бердяева и многих других. Однако до середины XX столетия не предпринималось попыток унифицировать русские мировоззренческие константы, с тем чтобы привести все мировые культуры, или хотя бы их большую часть, к общему знаменателю. Современный философ, разрабатывавший систему универсалий культуры, В.С. Степин подчеркивал, что «особый тип поведенческих реакций возникает в процессе взаимодействия человека с другими людьми» [Степин, 1992, с. 17]. Функционирование этого процесса начинается в рамках одной и одновременно — каждой культуры и поначалу может преследовать исключительно утилитарные цели, позволяющие выявить, какое поведение или какие качества могут быть признаны морально-этическими внутри данного сообщества и в то же время инвариантными к внешним системам. Еще Аристотель в «Никомаховой этике» градуировал степень проявления добродетельности в поступках человека и наличие определенной корреляции между стыдом и совестью. С увеличением и углублением морально-этических характеристик стало возможным обнаружение доминантных ментальных черт того или иного сообщества, группы людей, целого этноса.

Движущая сила, выстраивающая регулятивы поведения представителей различных культур, сводит все характеристики к дихотомии вины и стыда. В связи с этим нам придется атрибутировать черты, свойственные той и другой культурам. Ю.Н. Данилова, опираясь на труды В. Вундта, Р. Кайуа, А. Тайлора, З. Фрейда, Д.Д. Фрэзера, конституирует возникновение понятий вины и стыда в первобытных обществах; если вина является следствием нарушения запретов, важных для защиты всего племени, то стыд порождается отступлением от обычаев. Таким образом, стыд присущ тем сообществам, члены которых боятся порицания со стороны окружающих. Вонг и Цай называют стыд более разрушительным чувством, чем вина.

Искушение *вины* начинается с исповеди, покаяния, т.е. с самобичевания, и сопряжено с ориентированием на высшие универсальные принципы. В культуре *стыда* важна оглядка на общество, аксиологические установки которого нарушать недопустимо. Поэтому представители культуры стыда более чувствительны к реакции на них других людей, нежели представители культуры вины, и предпочитают скрывать от общества совершенные проступки и злодеяния, ибо исповедь не устранил порока, не облегчит душу, а обрушит на человека шквал обвинений. Социальная группа будет вечно порицать и осуждать личность за совершенный грех, а преступивший нравственный закон человек понимает, что непорочным может считаться не тот, кто покался, а тот, кто не грешил. Но в такой постановке вопроса всего лишь шаг до ханжеского поведения, направленного на сокрытие от других людей своей вины. Бенедикт пишет: «Настоящие культуры стыда, в отличие от настоящих культур вины, полагаются на внешние санкции за хорошее поведение, а не на внутреннее признание в грехе. Стыд — это реакция на критику других людей. Человек стыдится или из-за того, что его откровенно осмеяли и отвергли, или из-за того, что он дал повод себя осмеять. И в том и в другом случаях это мощная санкционирующая сила. Но она требует присутствия публики или, по крайней мере, воображаемого присутствия ее. Вина же этого не требует. У народа, для которого честь — это соответствие жизни человека его автопортрету, человек может переживать вину, хотя никто не знает о его злодеянии, а чувство вины может быть облегчено исповедью» [Бенедикт, 2016, с. 157].

Представители культуры вины, по мнению антропологов, испытывают большее чувство собственного достоинства и в большей степени способны на проявление эмпатии, чем представители культуры стыда. Японское понимание стыда, таким образом, не тождественно ни западному, ни российскому. Антиномия данных представлений во многом порождена своеобразием национальных религий: если ощущение вины толкает западного христианского человека к исповеди из чувства раскаяния или из боязни загробного наказания, то восточный человек не знает посмертного рая или ада. Для него чистая совесть — атрибут земного существования, поступки каждого члена общества должны регулироваться жестким сводом правил, гарантирующим безопасность. К примеру, низкий уровень бытовых краж в Японии объясняется не страхом Божьей кары, а запретом на нарушение кодекса чести, оглядкой на общественность, «строго кодифицированными правилами поведения» (Бенедикт); потерянная кем-нибудь вещь не будет подобрана другим человеком и останется на месте в ожидании хозяина.

Ю. Степанов убежден, что концепты русской культуры совпадают с общеевропейскими, доказательством чему являются индоевропейские корни русского словарного состава, общее значение слов — ведь слова меняются, а их значение сохраняется. Своеобразной иллюстрацией слов Степанова являются научные исследования Роберта Илсона, профессора Университетского колледжа Лондона, который сравнивал лексикографические трактовки распространенных (типичных) человеческих эмоций в английском, французском и русском языках и в очередной раз подчеркнул способность языка устанавливать родство или отличие различных культур: "Similarities (of the names of several common emotions — И.А.) in content will suggest the kinship of us homines sapientes. But differences in content may arise for more than one reason: lexicographers analysing the same emotions may come to different conclusions about them; or the emotions themselves may differ in different cultures [Илсон, 2022: 132] (Стыд и вина — это чувства, которые ассоциируются с негативной оценкой (даваемой самостоятельно или другими) в связи с тем, что человек нарушил стандарты или нормы представлений о том, что такое добро,

справедливость, что уместно и желательно (перевод мой). Сходство (названий нескольких распространенных эмоций — И.А.) в содержании наводит на мысль о родстве нас, *homines sapientes*. Но различия в содержании могут возникать по нескольким причинам: лексикографы, анализирующие одни и те же эмоции, могут прийти к разным выводам о них; или сами эмоции могут отличаться в разных культурах (перевод мой — И.А.).

Но мы можем говорить и о сходстве российских национальных концептов с восточными, ибо методы воспитания восточного (японского) человека и представителя российской культуры XIX века выглядят идентично, тождественно. Это воспитание опирается на строгий кодекс экзистенциальных запретов и жестких правил, регулировавшихся в японской жизни всевозможными табу и дисциплинарным образованием, а в России — Домостроем.

А.Н. Островский видел в Домострое проявление недемократизма христианства, однако даже в современной критике не выработалось однозначного отношения к этому своду нравственных императивов. Защитники воспринимают его в качестве индикатора по сохранению семьи и национального духа, оппоненты иронизируют над изжившей себя доктринерской попыткой контроля человеческой жизни. Так, наш современник, ученый и богослов, профессор Московской духовной академии М.М. Дунаев был убежден, что все недоразумения, ложные оценки, даваемые интерпретаторами этому «сборнику правил, советов и наставлений», порождены ошибочной трактовкой домостроевских законов неискушенным сознанием. «<...> при разговоре о "Грозе" поминают недобрым словом Домострой, — пишет он, — отождествляя устои, охраняемые кабанихами, с его правилами и понятиями, — заблуждение печальное. Вся система, утверждаемая Домостроем, подразумевает бытие в мире любви — и лишь определяет выработанные традицией внешние формы, в каких удобнее существовать этому миру, освобождает внутреннего человека от поисков таких форм, облегчает ему совершенствование духовной жизни» [Дунаев, 1997: 259]. Образ «грозы», с его точки зрения, символизирует страх Божий; и словами Дикого, заявляющего, что «гроза-то нам в наказание посылается», драматург раскрывает «сущностные законы бытия». Катерина обречена на духовную гибель, ибо помещена в пространство лжи и ханжества.

Именно это последнее замечание очень справедливо и позволяет рассмотреть конфликт Катерины и «темного царства» с иного ракурса — как столкновение культуры вины и культуры стыда. Восточная культура стыда — это «жизнь в упряжке», «маленький горшок», в котором растет карликовое дерево (Бенедикт). Катерина воспитывалась в абсолютно иных условиях, нежели калиновские обитатели, пересадить ее из широкого, открытого пространства, с которым можно сравнить ее жизнь в девичестве, в маленький горшок для декоративных растений, невозможно. «Я жила, ни об чем не тужила, точно птичка на воле <...> Встану я, бывало, рано; коли летом, так схожу на ключок, умоюсь, принесу с собой водицы и все, все цветы в доме полью» [Островский, 1976, с. 16], — рассказывает героиня. Реакция Варвары («да ведь и у нас то же самое») — взгляд девушки, считающей, что в поступках Катерины нет ничего *постыдного*. «Да здесь все как будто из-под неволи», — отвечает Катерина. В словах героини звучит указание на антидуховные скрепы калиновского мира, провозглашающего «делай, что хочешь, только бы шито да крыто было»; в таком пространстве личность не испытывает угрызений совести, смущения и неловкости, ибо не подвергается остракизму со стороны общества. Сама же Катерина, переживающая внутренний конфликт, — ведь она полюбила другого человека, то есть в мыслях уже согрешила, изменила мужу, — чувствует за собой *вину*.

Очень иллюстративна в контексте нашего разговора сцена свидания Катерины и Бориса. Приглашение исходило от Катерины, точнее — от Варвары, передавшей записку, но Катерина

все-таки пришла в овраг за садом Кабановых, а, увидев Бориса, начала его упрекать, гнать, называя «погубителем»: «Пооди прочь, окаянный человек!». «Вы сами велели мне прийти», «Ваша воля была на то», — в растерянности бормочет Борис. Поведение Катерины объяснимо: не имея сил противостоять желанию быть с любимым, героиня надеялась на то, что молодой человек не придет, и тогда свидание не состоится (ведь на свидание приходят двое). Иначе объясняет ее реакцию Борис: он видит страх молодой женщины быть разоблаченной перед мужем, свекровью и людьми и уговаривает ее: «Никто и не узнает про нашу любовь. Неужели же я тебя не пожалею!». Или, говоря сегодняшними языком, он уверен, что регулятивом ее поведения является культура стыда. Однако не людского гнева боится Катерина: «Коли я для тебя греха не побоялась, побоюсь ли я людского суда?». Она сама судит себя, ей присуща культура вины, с которой (т.е. виной), она на некоторое время сживается, смиряется. Героиня сама себя и выдаст, признавшись Тихону и свекрови — в присутствии честного народа — в своем нецеломудренном поведении. Необходимо подчеркнуть и чувство собственного достоинства, обнаруживающееся в поступках героини и напрочь отсутствующее у любящих ее мужчин. А чувство собственного достоинства является, как мы помним, атрибутом поведения людей, принадлежащих к культуре вины.

Катерина — глубоко верующая натура, хотя и не совершенная, как, впрочем, любой человек; к признанию ее подтолкнула совесть, посредствующая между стыдом и виной. Ее вера в Бога неразрывно связана с ее представлением о праведной, т.е. — в ее понимании — правильной жизни. Сложным образом религиозные жизнеощущения героини оказываются вплетенными в экзистенциальную православную философию XIX-XX веков, находившуюся в онтологической корреляции с христианским идеалом; проблемы совести, вины и стыда были тщательно разработаны, например, в трудах Вл. Соловьева («Духовные основы жизни»), полагавшего, что человек не только рационалистически, умом (т.е. осознанием вины) постигает греховность жизненного пути, но и совестью, поэтому стремится прожить жизнь, не совершая поступков, за которые ему придется испытывать чувство стыда. Почему же столь совестливая героиня пала? И почему, исследуя культур-религиозные вопросы, национальные нравственные универсалии, мы обращаемся не к творчеству Ф.М. Достоевского, а к драматургии А.Н. Островского?

Если идеалом Достоевского, по определению Александра Кугеля, театрального критика рубежа XIX-XX веков, был Савонарола, поэтому он устремлял свой взор к героям-идеологам, то Островского привлекали люди обычные, решавшие в жизни каждодневные, рутинные вопросы. «Бог (в пьесах драматурга — И.А.), выработанный в русском общежитии и прилаженный к духовному быту и обиходу людей, — пишет Татьяна Москвина, — не может быть назван совершенно христианским» [Москвина]. К тому же, в представлении многих критиков, современников Островского, Бог Кабановых (да и всех калиновцев) — старообрядческий, ему противопоставлен Бог Катерины, в котором много языческого; если героиня ходит в церковь, как в рай, то остальные обыватели калиновского общежития убеждены, что весь мир в наказание посылается. В основе сюжета пьесы и лежит столкновение двух миров: мира рая (из которого метафорически выпадают Катерина и Борис, по замечанию Москвиной) и мира наказания, адского мира. Стремясь вырваться из страшного inferнального пространства, Катерина тянется к Борису, но он оказывается слишком слабым, чтобы защитить любимую женщину, да и эгоистичным в большой степени, чтобы осознать свою роль в ее возможном спасении.

Заключение

Унификация представлений о том, что такое культура вины или культура стыда, видимо, невозможна, в силу специфичности переживаний, испытываемых людьми, признающими свою вину или ощущающими стыд. В таком случае мы касаемся феномена поликультурности, который, по определению Е.А. Невежиной, «подразумевает разнообразие культур, их взаимодополняемость» [Невежина, 2022: 150]. Во-вторых, по наблюдениям некоторых исследователей, «русская культура и философия трансформировались в направлении от культуры стыда к культуре вины» [Данилова, 2014: 141]; таким образом, русская культура либо занимает срединное положение между культурами Запада и Востока, либо синтезирует, объединяет в себе начала обеих культур. В-третьих, русская культура выбивается из известных атрибуций и принадлежит к культуре, которая может быть определена как культура совести. Безусловно, что культура совести вырастает из культуры вины, т.к. переживание вины регулируется именно совестью.

Библиография

1. Бенедикт Рут. Хризантема и меч: Модели японской культуры. — 2-е изд. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2016.
2. Данилова Ю.Н. Вина и стыд в культурах Запада, России и Востока. Автореферат дис. на соискание ученой степени к.филос.н. — Омск, 2016.
3. Данилова Ю.Н. Универсалии "Совесть", "Вина" и "Стыд" в рефлексии русской философии. // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. 2014. Вып. 33. № 17 (346). С. 141–145.
4. Дунаев М.М. Православие и русская литература. В 5-ти частях. Ч.III — М.: Христианская литература, 1997.
5. Илсон Р. Лексикография понятий: эмоции. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. №4. С. 131-135.
6. Москвина Т. Бог в творчестве А.Н.Островского. Христос и Ярило. // Сеанс. 16/10/2007 электр. ресурс: <https://seance.ru/articles/bog-vtvorchestve-anostrovskogo-hristos-iyarilo/#notes26/03/2023>.
7. Невежина Е.А. Поликультурный компонент в изучении параллелей русской и французской литератур магистрантами из Китая. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. №4. С.149-160.
8. Островский А.Н. Гроза. Беспреданница. Пьесы. — М.: Детская литература, 1976.
9. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд.2-е, испр. и доп. — М.: Академический Проект. 2001.
10. Степин В. С. Философская антропология и философия культуры. М., 1992.
11. Wong Ying & Tsai Jeanne. // The self-conscious emotions: Theory and research. Guilford Press, 2007 (pp. 209–223).

Conceptualization of the concepts of culture of guilt and culture of shame in the dramaturgy of A.N. Ostrovsky

Irina L. Anastas'eva

PhD in Cultural Studies, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of comparative study
Of national literatures and cultures,
Lomonosov Moscow State University,
119234, 1 ter. Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: anastasyevairina@gmail.com

Abstract

Arguments about what is a national character, what are the main features of a particular ethnic group, are very relevant in the modern era. Such notions as mental features, a unifying idea, a cultural concept, and the collective unconscious are used in many discourses and narratives. They require decoding and explanations based on the study of various cultures and subcultures. To what extent are those proposed definitions relevant? Since the 1940s, in cross-cultural studies, close attention has been paid to such psychological phenomena as the culture of guilt and the culture of shame — concepts determined by the American anthropologist, representative of the ethnopsychological trend in American anthropology, Ruth Benedict. The existing research works are focused primarily on the comparison of Western European and Eastern (Japanese, Chinese) archetypal features peculiar to these ethnic groups and reflecting the belonging of the people to the culture of guilt or shame. It seems interesting and important to clarify to which mentally hypertrophied culture Russian society belongs. The study of this issue may be most naturally carried out using literary and artistic material, in particular, the drama "Thunderstorm" by A.N. Ostrovsky, whose 200th anniversary was celebrated on April 12, 2023.

For citation

Anastas'eva I.L. (2024) Kontseptualizatsiya ponyatii «kul'tury viny» i «kul'tury styda» v dramaturgii A.N. Ostrovskogo [Conceptualization of the concepts of culture of guilt and culture of shame in the dramaturgy of A.N. Ostrovsky]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 14 (9A), pp. 86-93.

Keywords

The culture of guilt, the culture of shame, culture of conscience, A.N.Ostrovsky, Thunderstorm.

References

1. Benedict, R. (2016). "Chrysanthemum and sword: Models of Japanese culture" (2nd ed.). Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives; University Book.
2. Danilova, Y. N. (2016). "Guilt and shame in the cultures of the West, Russia, and the East." Author's abstract of dissertation for the degree of Candidate of Philosophical Sciences. Omsk.
3. Danilova, Y. N. (2014). "Universals 'Conscience', 'Guilt', and 'Shame' in the reflection of Russian philosophy." *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philosophy. Sociology. Cultural Studies*, 33(17), 141–145.
4. Dunaev, M. M. (1997). "Orthodoxy and Russian literature" (Vol. 3). Moscow: Christian Literature.
5. Ilson, R. (2022). "Lexicography of concepts: Emotions." *Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 4, 131-135.
6. Moskvina, T. (2007). "God in the works of A.N. Ostrovsky: Christ and Yarilo." *Seance*. Retrieved March 26, 2023, from <https://seance.ru/articles/bog-vtvorchestve-anostrovskogo-hristos-iyarilo/#notes>
7. Nevezhina, E. A. (2022). "The multicultural component in studying parallels between Russian and French literature by master's students from China." *Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 4, 149-160.
8. Ostrovsky, A. N. (1976). "The storm. The dowry. Plays." Moscow: Children's Literature.
9. Stepanov, Y. S. (2001). "Constants: Dictionary of Russian culture" (2nd ed., revised and expanded). Moscow: Academic Project.
10. Stepin, V. S. (1992). "Philosophical anthropology and philosophy of culture." Moscow.
11. Wong, Y., Tsai, J. (2007). "The self-conscious emotions: Theory and research." In Guilford Press (pp. 209–223).